

Ирина Копаяенко

Родилась в Москве, где по сей день живет и работает. По образованию инженер-радиотехник, но с детства пишет стихи. А с некоторых пор — еще и рассказы. «Зачем? Уходишь от действительности?» — спросили как-то друзья. «Нет, дорогие мои, совсем наоборот. Действительность становится ярче, интереснее с каждой созданной строкой. Незаметен, естественен переход из мира реального в область вымысла. Переплетение фантазии и обыденности. Где грань? Она почти неощутима. Герои моих произведений — самые обычные люди. Они живут среди нас, ходят по улицам города. Работают и отдыхают, любят и страдают. Не чудо ли это, не волшебство? И я пишу. Наверное, ради этого ощущения чуда...» — вот как говорит о себе сама Ирина.

Охрана у него была безупречна. Ни малейшей растерянности, ни даже молчаливого удивления не возникло в глазах ребят, когда шеф внезапно появился в коридоре «минусового» этажа намного раньше обычного. Но, уже закрыв за собой дверь, Кирилл буквально спиной ощутил, как расслабились парни. Пусть... Вечера, которые он проводил в гараже, воспринимались всей его огромной «империей» как праздники — часы спокойствия и тишины. Собственно, помещение, в котором он уединялся столь часто за последние годы, давно уже ничем не напоминало гараж. А начиналось все именно там.

Примерно пять лет назад известный бизнесмен, один из самых богатых и влиятельных людей со-

Двойники

временного мира, Кирилл Дебритский озадачил своего личного помощника странной просьбой. Требовалось найти и отреставрировать автомобиль. И не какой-нибудь, а «Москвич-408». Трудность заключалась в том, что таких машин, с круглыми фарами и вертикальными задними фонарями, Ижевский завод выпустил очень мало. Шефу же потребовался именно Ижевский «раритет», именно с таким кузовом! Хотя, казалось бы, какая разница? Пожалуй, только для специалиста... Но Дебритский ретро-автомобилям ранее никакого внимания не уделял... Чем же заинтересовал обыкновенный старенький «Москвич» знаменитого миллиардера? Вопрос так и остался открытым...

Весь процесс реставрации проходил под неусыпным контролем самого хозяина. Машину покрасили в непритязательный зеленый цвет, без малейшего намека на «мелаллик», на сиденья натянули чехлы жутковатой расцветки в мелкий рисунок... Любую попытку хоть как-то облагородить автомобиль, придать ему более современный вид Кирилл пресекал немедленно. Зато двигатель и ходовая часть, казалось, его абсолютно не интересовали. Механики заменили многие детали, что-то пришлось делать на заказ, и вскоре обновленный автомобиль был готов к эксплуатации. Но вместо этого шеф велел водрузить скромный «Москвичок» на огромный постамент среди шикарных «Лексусов» и «Мерседесов», которые уже отслужили свое и стояли рядком в просторном гаражном помещении богатого человека Кирилла Дебритского. Постамент для «Москвича» соорудили высокий, наверное, для того, чтобы машина не ощущала свою ущербность среди столь великолепных соседей. Если, конечно, она могла что-то чувствовать...

С этого скромного автомобиля и началось необычное увлечение Кирилла, о котором столько писала и «желтая» пресса, и более солидные издания. Он же из своей затеи тайны не делал, но и лишних людей в гараж не допускал. А однажды, в интервью для довольно известной газеты, рассказал, что увлекся интерьером 70-х годов. Почему? А просто так. Может быть, потом будут 80-е, а может, и нет... Таким образом, все постепенно и успокоилось. Ведь, если тайны нет, разоблачать нечего, скандала не предвидится, то и разговаривать вроде не о чем... В гараже, тем временем, отгородили большой участок, возвели стены, туда подвозили мебель, которую осматривал сам шеф, там трудились художники, дизайнеры... Даже декоративное окно создали. Глубоко под землей при помощи пульта управления за «окошком» то рассветало, то темнело, соловьи пели, а легкий ветерок нежно прикасался к стареньким ситцевым занавескам. По мнению большинства дизайнеров, занавески были ужасны! Но материал, рисунок и даже степень «старения» выбирал лично Кирилл. Скоро «музей» 70-х был готов. Стены, оклеенные неброскими обоями, удобный диван, конечно, сервант «Хельга», кресло, возле которого стоял торшер с абажуром, отделанным золотым кантом... Зачем все это потребовалось Кириллу Дебритскому? Человек-машина, экономист, финансовый гений... Заподозрить его в сентиментальности не осмелилась бы никакая, даже самая «желто-лимонная» газетенка! Тем более, в 70-х нынешнему миллиардеру было лет десять... Какая уж там сентиментальность... Но комната в стиле «ретро» существовала по велению шефа. Появляться там никому не дозволялось, и только охранники периодически проверяли «музей» на безопасность. Да, еще техники

постоянно поддерживали «70-ю комнату», именно так они сразу назвали вверенный им объект, в превосходном состоянии. Ведь там, в «ретро-комнате», последние два-три года проводил все свое свободное время один из самых загадочных и богатых людей современности. Возможно, он там и работал. Скорее всего, так и было, поскольку отдохнуть Кирилл, кажется, совсем не умел. Загородные поездки его раздражали. А предложения деловых партнеров о «единении с природой» и вовсе приводили в ярость, особенно, если в предложении присутствовала речка или какой-либо иной водоем. О друзьях миллиардера Дебритского, если таковые имелись, никто ничего не знал. Светские мероприятия он посещал только в случае крайней необходимости. Все же статус обязывал... Таким образом, владея недвижимостью по всему миру, Кирилл Валентинович Дебритский отдыхал в «гараже», словно одушевленный персонаж своего небольшого уютного «музея». Почему? Должно быть, он так хотел, и ни один человек за все последние годы не решился спросить его о причинах столь странного выбора.

То, что нынешним вечером шеф назначил весьма необычную встречу, а отдых не предвидится, знали только личный помощник Кирилла и начальник охраны. Разумеется, весь обслуживающий персонал, кроме самых проверенных сотрудников, заранее попросили переместиться на верхние этажи здания. Дело в том, что Кирилл Валентинович собирался встретиться с Детективом, а конфиденциальность для подобных мероприятий строго необходима. Бывают и у миллиардеров проблемы, решение которых невозможно доверить службе безопасности... А этот Детектив, известный только предельно узкому кругу лиц довольно высокого поло-

жения, отличался не только исключительным талантом сыщика, но и поразительным чутьем, способностью понять, что же требуется его клиенту. Ведь как часто случается, что излагает человек просьбу, даже формулирует весьма четкие требования, а имеет в виду совсем другое... Соблюдение тайны следствия, разумеется, даже не обсуждалось. За многие секреты, раскрываемые по ходу работы, он мог бы давно расстаться с жизнью. Но мастерство и безупречная репутация до сих пор служили ему верной гарантией собственной безопасности. Приглашение посетить Дебритского Детектива не обрадовало, без работы он сидел крайне редко, а дела особо важных персон частенько оказывались не слишком интересными, но зато весьма и весьма опасными. Опасность при этом, вполне могла исходить и от самого клиента... Впрочем, согласия прославленного сыщика никто и не спрашивал. Личный помощник, воистину «правая рука» известного миллиардера, вежливо поинтересовался, когда именно Детективу удобно посетить Кирилла Валентиновича по очень важному для высокой особы делу? Только и всего... Исполненный самых неприятных предчувствий, сыщик немедленно откликнулся на просьбу, больше походившую на ласковый приказ: «К ноге!»...

Ах, где же ты, хваленая интуиция? Интерьер 70-х настраивал на безмятежность и покой, а за декоративным окошком слышались трели соловья. Соловьиная песня, негромкая, душевная, словно привет из далекой юности, совершенно не мешала беседе двух умных, но безмерно усталых людей. Детектив родился в самом начале 50-х и в 70-е как раз переживал незабываемые «золотые» годы. Он учился, начинал работать, влюблялся и расставался, вновь влюблялся, затем женился на женщине, которую

до сих пор любил больше жизни... А Дебритский? Ведь он моложе... Зачем ему эта ретро-романтика? Что же ты молчишь, интуиция? Но тревожные предчувствия, с которыми Детектив пришел в этот дом, таяли подобно шарик у мороженого в солнечный июльский день. А дело, которое ему предстояло, показалось и вовсе безобидным. Обычное такое, почти семейное дело, никаких мерзостей и «подводных камней»... Правда, зачем все это Дебритскому? Но интуиция упорно молчала...

Только очутившись в своем строгом кабинете, Детективу удалось все же избавиться от «словобино-го наваждения». Итак, ему предстояла командировка в некий город Пустогорск, о существовании которого он раньше даже и не слышал. Там ему требовалось всего лишь узнать, как сложилась жизнь у некоторых людей (список, весьма небольшой, прилагался), временем его особо не ограничили, аванс на командировочные расходы выдали щедрый... Что же еще? Да, вмешиваться в жизнь людей, указанных в списке, Дебритский строго запретил. Только докладывать ему, если необходимость появится. Ну, а при отсутствии экстремальных ситуаций, на что Детектив очень надеялся, следовало просто приехать к Кириллу Валентиновичу лично и рассказать обо всем, что удалось узнать. Вознаграждение за эту «разведку» предполагалось баснословным. Вот так: простое дело за «бешеные» деньги... А проснувшееся чутье сыщика упорно твердило: простым делом не получится. Почему-то он сразу отнес его к категории «семейных»... Почему? Дебритский — коренной москвич, про таких говорят: «до прабабушек и прадедушек», родственников не имеет, осиротел рано, еще в студенческие годы. А может быть, имеются все же родственники у загадочного миллиардера? Интуиция, словно извиняясь за свое столь дол-

гое молчание, настойчиво подсказывала: не спеши, благо, возможность есть. Узнай о важном клиенте, интересующих его людях и городе Пустогорске много больше, чем требуется для выполнения обычного задания, но докладывай не все. Только необходимое. На странности, что обязательно возникнут в процессе работы, внимание обрати, но ни в коем случае «не рой» слишком глубоко, не вникай в суть происходящих событий... Парадоксально, но именно такой совет дала ему интуиция, а ей Детектив привык доверять. Значит, узнавать, но не вникать, тогда все и обойдется...

А привилегированный клиент, что так беспокоил сыщика, еще долго после его ухода сидел в кресле, почти не двигаясь, закрыв глаза, мучительно пытаясь понять свои же собственные намерения. Зачем? Жизнь его удалась, это сомнению не подлежало. Он реализовал самые невероятные проекты, что когда-то и ему самому казались неосуществимыми. Он богат, влиятелен, известен. Так зачем же ему потребовалось все это? Зачем столь часто обращается он, пусть всего лишь мысленно, к тем, кого покинул навсегда? Лишние, ненужные воспоминания... Беспокойная память... Только вот беда, памяти приказать он не мог... А она все возвращала и возвращала его в тот далекий июнь 1975-го, когда так неожиданно и, главное, бесповоротно изменилась его судьба. А ведь он знал тогда: обратный путь невозможен. Так что же теперь?

Казалось, что это случилось вчера, а ведь прошло уже пятнадцать лет. Для него — пятнадцать, а для всех остальных — тридцать пять. Да, прошло целых тридцать пять лет, двадцать из которых он, скажем так... перепрыгнул...

Человек на обочине дороги появился столь неожиданно, что Кирилл едва успел нажать на тор-

моз. Конечно, можно было и мимо проехать, автобусы, хоть и редко, а все же ходили, да и темнеет в июне поздно... Но он уже остановил машину, решив «подбросить» попугайчика.

— Если Вам в город, садитесь.

— С превеликим удовольствием, вот только денег у меня, простите, нет.

— А я знаю, что нет. Не беспокойтесь, доведу.

— Хм, — незнакомец пристально посмотрел на своего благодетеля и, пристроив весьма объемный необычного вида кожаный саквояж на заднее сиденье, обиженно продолжил: — А, позвольте поинтересоваться, что же, я так прямо и похож на человека неимущего?

— Нет, — Кирилл рассмеялся. — «Прикид» у Вас по высшему разряду. Из столицы к нам прибыли? Я угадал? А вот денег нет, точно. Мало ли какая этому причина.

— Причина есть. Но как Вы это поняли?

— А... я — финансовый гений. Если и не знаю, то чувствую наверняка.

— О! Да! Скромностью, молодой человек, Вы, похоже, не отличаетесь. И как же поживается «гению финансов» в славном городе Пустогорске, где я что-то ни одной горы пока не вижу?

— А никаких гор здесь никогда и не было. И перспективы у меня тоже нет. А живется нормально, как и всем. Тоскливо, правда.

Каким образом они очутились в его гараже, Кирилл уже не помнил. А вот почему он так откровенно рассказывал Константину Михайловичу (так звали случайного попугайчика) о себе, о своих невысказанных проектах, о скучной работе на местной фабрике, даже о том, что с любимой девушкой Анечкой неделю назад серьезно поссорился, он теперь понимал хорошо. Просто никто его раньше

так не слушал. А Константин Михайлович оказался очень внимательным собеседником, задавал вопросы, ничему не удивлялся, а затем поведал изумленному Кириллу такое, что тот поначалу пожалел о своей откровенности, решив, что судьба свела его с душевнобольным. Перемещение во времени? Посланник из будущего? Не желает ли он поучаствовать в эксперименте? То, что Кирилл все же поверил в подобные сказки, объяснить трудно даже с годами. Наверное, очень уж хотелось ему тогда вырваться из окружающей его «серой» действительности. Хотелось поверить, вот и поверил... Хотя никаким особым обаянием посланник из грядущих лет не отличался, скорее наоборот. Козлиная бородка, мелкий дребезжащий смех, театральные жесты, бегающий взгляд — неприятная личность. Правда, то, что эксперимент является «незаконным» с точки зрения некоей «временной канцелярии», Константин Михайлович признался сразу. Эта «канцелярия» организовывала командировки во Времени, а также строго следила за порядком при «перемещениях», не позволяя никому бесконтрольно менять как прошлое, так и будущее.

— Вы подумайте, — вздыхал «хитрый лис», покачивая головой. — Что станет с миром, если все шалопаи, вроде меня, начнут орудовать в прошлом, как им вздумается! Но Ваш случай уникален! Потрясающее совпадение...

А затем «шалопай» из будущего рассказал Кириллу суть задуманного им эксперимента. Оказывается, живет в далеком 1995 году, ровно на двадцать лет вперед, в Москве двойник «финансового гения» из Пустогорска. Он тоже работает бухгалтером, но мечтает только об одном: оказаться как можно дальше от Москвы, от своего рабочего места и от директора, которого панически бо-

ится. Никакой гениальностью, чутьем и прочими качествами, присущими Кириллу, его двойник не обладает. Но внешнее сходство просто поразительное, включая мимику, жесты, голос! Зовут его так же, даже отчество такое же, родных нет. В конце прошлой недели московский Кирилл из 95-го долго и задумчиво поглядывал с моста через Язузу на темную воду... Это давало все основания полагать, что на эксперимент он согласится, причем с радостью. Вот только отправить его надо, конечно, не в Пустогорск. Все же город маленький, все люди на виду, заметят подмену. Да и Анечка... Вдруг помириться решит, поймет ведь сразу, что не тот Кирилл, не тот...

— Константин Михайлович, а зачем все это нужно Вам? Нарушите правила, неприятности могут быть. Ваша «канцелярия», говорите, строга? Мы, двойники, получим, что желаем. Я — невероятные возможности, он — спокойную жизнь. А Вы?

— Мне скучно, бес... — театрально развалившись в старом потрепанном и потому списанном в гараж кресле, произнес Константин Михайлович.

— Что?!!

— Э... Простите, Вы не читали Гете?

— Не читал. Не требовалось.

— Великолепно... Да, у нас должно все получиться. Только помните, билет в один конец! Это важно — возврат невозможен! Я даю Вам неделю. Нет, пожалуй, недели две... Да, две недели Вам должно хватить, чтобы во всем разобраться. Вы — талантливый человек. Я бы даже сказал, поразительно, до чего талантливый!! Жаль, если так и не реализуете себя в этой «дыре». Но обязательно обдумайте мое предложение еще раз, литературу почитайте, узнайте, что в стране за двадцать лет произошло. Уверен, Вы будете потрясены. И... до встречи!

Перед расставанием Константин Михайлович вручил Кириллу целую кипу газет и журналов в красочных глянцевых обложках, а также весьма симпатичное устройство, назвав его незнакомым словом «DVD-плеер». Устройство открывалось подобно чемоданчику, на внутренней стороне его крышки имелся прямоугольный экран. К «чемоданчику» прилагалась стопка коробочек, в каждой из которых лежала блестящая дисковая пластина. Наскоро объяснив, как пользоваться этим самым «плеером», он добавил, что фильмы надо смотреть согласно инструкции, составленной им специально для данной ситуации, обязательно соблюдая установленную очередность. Кирилл спорить не стал. И правильно. Увиденное на экране и прочитанное в газетах и журналах потрясло его необычайно. Сказать, что он был удивлен, даже изумлен — значит, ничего не сказать. Совершенно оглушенный, забыв обо всем на свете, Кирилл больше недели не покидал своего убежища. Только к речке ходил, да и то ночами. Плавал долго, против течения, так, чтобы устать. Иначе сон не приходил. И все равно спал он мало, беспокойно. Хорошо еще, что гараж уже давно был оборудован, как помещение вполне пригодное для жизни, что-то вроде летней дачи. Все необходимое там имелось. Периодически, словно призрак, рядом появлялся Константин Михайлович, снабжал своего подопечного совсем не прозрачной едой, пополнял запасы воды. Прodelьвал он все это очень тихо, стараясь не отвлекать потенциального «перемещенца» от изучения своей будущей среды обитания...

По истечении десяти дней Кирилл наконец очнулся. Вышел из гаража, пошел по знакомой с детства улице... Серые краски давили на глаза, как никогда раньше. Он понимал, что теперь именно

так и будет всегда, если только он не решится... Картинки из «глянцевых» журналов, фильмы — как же все это отличалось от настоящей жизни, от Пустогорска сегодня! Впрочем, родной город в будущем Кириллу увидеть не довелось, только Москву и другие крупные города. То ли материала по Пустогорску у Константина Михайловича не нашлось, то ли сам не захотел... Но это сейчас волновало Кирилла меньше всего. Перемены, произошедшие в стране в совсем недалеком будущем, потрясли его до глубины души. И ведь вся эта жизнь, так разительно отличающаяся от нынешнего существования, уже совсем скоро наступит! Каких-то двадцать, может быть, тридцать лет — это же не века, еще никто и ничего не успеет забыть, у кого-то не получится перестроить свое сознание, а кто-то, наоборот, добьется успеха... Конечно, сам Кирилл относил себя к последней категории. И, конечно же, первое, о чем он подумал, что не стоит, пожалуй, никуда перемещаться, а просто продолжать спокойно жить и дальше в Пустогорске вместе с Анечкой и ждать... Правда, смущало то, что спокойно жить теперь не удастся, мысль об утраченных возможностях не оставит ни малейшего шанса на безмятежное ожидание. И, разумеется, возраст... Сейчас — двадцать восемь, в 1995-м — сорок восемь, а через десять лет... Не поздно-то ли будет начинать? Сегодня-то у него сил хватает, идеи возникают фантастические, только успевай смысл улавливать. Просто не нужно это никому... А что с ним станет через двадцать лет? Может быть, даже и сопьется в этой «дыре» (иначе о Пустогорске уже и не думалось)... И, кроме того, Кирилл отнюдь не являлся идеалистом и простаком. В фильмах о будущем он, конечно, увидел красивые здания, сверкающие великолепными витринами. Он отметил яркие, призывно-манящие, порою до раз-

дражения и внутреннего протеста, рекламные щиты на улицах. Поразили его удрушающие потоки машин, в основном, невероятных, совсем новых моделей, неизвестных ему и от этого, наверное, еще более прекрасных. И, разумеется, женщины! Длинноногие, загорелые, ошеломляюще свободные, они подходили на юных пантер, таких ласковых, нежных, даже трепетно и одновременно готовых к изыстному, но смертельному прыжку... Вместе с тем, он увидел и обратную сторону блестящего будущего. Особенно удручающее впечатление произвели на Кирилла люди — те, кто уже всего лишь напоминали людей в его привычном представлении о роде человеческом, страшные, несчастные в своей бедности и отсутствии надежды, порой лишенные даже дома, обычного дома, даже самой маленькой комнатки... Возможность такого вот существования он и представить себе не мог. Жестокость... Безразличие и жестокость чувствовали себя в «шикарном будущем» весьма и весьма вольготно. И еще... Войны, настоящие войны, убитые мальчишки-солдаты... Кто знает, возможно, среди них окажется и его сын. Ведь будут же у них с Анечкой дети, если он, конечно, останется здесь... А еще, бизнес-переговоры 90-х, так называемые «стрелки» и «разборки», трупы совсем молодых ребят, много трупов, кровь... А ведь так будет совсем скоро — двадцать лет осталось. И кем же тогда станет он? Конечно, сейчас сомневаться в своих силах и умственных способностях ему и в голову не приходило. А что потом? Хватит ли его на борьбу за «место под солнцем»? Вопрос, на который он пока не решался или не мог ответить окончательно... Скорее, нет, чем да...

Получалось, что на предложение Константина Михайловича следовало соглашаться обязательно. А как же Анечка? Они ведь хотели этим ле-

том пожениться, уже и заявление в ЗАГС подавать собирались... А потом так глупо, непонятно почему, поссорились... Да... Выходило, что именно Анечка являлась основным, а скорее, единственным препятствием на его пути в Будущее. Может быть, удастся уговорить «хитрого лиса» устроить не окончательное перемещение, а, например, лет на пять? За пять лет он точно успеет доказать, что все его идеи не «бред сумасшедшего», не фантазии «ленивого неудачника», а...

Кирилл настолько задумался, что чуть было не прошел мимо своего «основного препятствия». Анечка стояла на противоположной стороне улицы и в упор смотрела на него. Да... Лучше бы им сейчас не встречаться. Его возлюбленная настолько проигрывала девушкам из глянцевого журналов, что Кирилл даже расстроился. Обидно стало за Анечку. И что это с ней случилось? Ведь такая симпатичная девушка, а зачем-то надела совершенно не подходящую ей юбку, напоминающую бочонок, застежка еле сходится, макияжа никакого, лицо, словно отекшее...

— Кирилл! Ты меня нарочно избегаешь?

— Нет. У меня здесь неожиданно дела «нарисовались». Долго объяснять, — он помолчал немного, а затем решил:

— Аня, мне нужно срочно уехать в командировку, надолго, возможно, на несколько лет. Пойми. Это очень важно, постарайся понять...

Договорить он не успел. Его Анечка, всегда такая спокойная, деликатная, вдруг вскрикнула, глаза ее наполнились слезами, а голос... Голос показался ему совсем чужим и неприятным. И кричала она так пронзительно, даже визгливо...

— Ты все понял, да? И решил сбежать! Ну и убирайся, слышишь? Убирайся совсем, не на несколько лет,

а совсем! Потому, что ты врешь! Ты все понял и просто струсил!! Убирайся!!! Только врать не надо. Мы не нужны тебе, гений! Я сама справлюсь, без тебя, слышишь?!! Проживем!! Убирайся навсегда, слышишь, навсегда!

Она продолжала кричать и плакать, а он ушел... Разрешение получено. Вот так они и расстались. Навсегда.

Сам процесс перемещения Кирилл помнил смутно. Наверное, волновался все-таки, хотя тогда казалось, что нет, не особо... Суетился Константин Михайлович, объяснял все мелочи, извинялся, сокрушался, что ни на минуту не может оставить «московского» Кирилла, тот совсем от страха, как говорится, голову потерял. Дальше все было предельно просто: он установил на «специальных» часах, принесенных Константином Михайловичем, время «X». После чего сел в свою машину, старенький, проверенный, еще отцовский «Москвич», а затем на всей скорости «рванул» с обрыва в реку. Был у них недалеко от города очень опасный поворот дороги, почти под прямым углом, и ограждения, конечно, никакого. Для авантюры с перемещением лучше места и не найти. Правда, рассчитать скорость так, чтобы колеса автомобиля оторвались от земли точно в установленное время «X», оказалось нелегко. У него получилось достаточно точно, хотя небольшая погрешность и допускалась. А там... Никто ничего, конечно, не должен был заподозрить. Ну, ехал парень ночью, уснул, потому и не отреагировал на поворот, а течение в этих местах быстрое... Конечно, он до последнего момента сомневался, что окажется в 95-м году, а когда машина съехала с дороги и, сорвавшись с обрыва, взлетела над рекой, даже с жизнью успел попрощаться... Но... Ни соприкосновения с водой, ни боли, ничего такого он не почувствовал. Стремительный, невероятной силы вихрь закружил его, затягивая куда-то... Куда? Навстречу гибели или все же... Тишина наступила столь неожиданно, что испугала еще больше, чем пры-

жок с обрыва и последующее падение, кружение в бешеном, неудержимом вихре... Тишина и темнота. Но постепенно глаза начали привыкать к окружающей обстановке, и он понял, что просто лежит на полу, на ковре, в комнате с плотно задернутыми шторами. Кирилл неуверенно встал и подошел к окну, чуть раздвинул тяжелые портьеры. До рассвета оставались считанные секунды.

Солнце еще не проснулось, но нежные розовые краски уже прикоснулись к крышам домов, оживили улицы, отнюдь не пустынные в столь ранний час. Перед ним во всей красе раскинулся город, в котором ему теперь предстояло жить. Москва... Он обернулся. Комната двойника, а именно сюда его и забросила вихревая воронка, особой роскошью не отличалась, но все же выглядела лучше, чем у него в Пустогорске. На столе лежали документы, альбомы с семейными фотографиями и еще какие-то письма. Он взял в руки паспорт, прочитал: Дебритский Кирилл Валентинович. Теперь это — он.

С тех пор прошло пятнадцать лет. Тосковал ли он по прежней жизни? Поначалу очень. Выручало лишь то, что борьба (именно борьба) за «место под солнцем» оказалась гораздо труднее, чем он себе представлял. Одного таланта явно не хватало. Спас его тогда Константин Михайлович. И с людьми нужными познакомил, и будущее предсказать мог. Таким образом, неожиданные «катаклизмы» и всевозможные финансовые сюрпризы деятельности начинающего миллиардера не угрожали. Тот самый директор, что сделал жизнь его «двойника» совершенно невыносимой, даже и не понял, каким образом лишился своего предприятия. Не понял он также, почему «тихоня-бухгалтер», которого он привык использовать в своих интересах, вдруг превратился из безропотного ягненка в волчару с огромными острыми зубами. Но понимать ему этого и не следовало... А его завод стал «первым кирпи-

чиком» в будущей знаменитой «империи Кирилла Дебритского». Со временем Константин Михайлович стал появляться все реже и реже, а потом и вовсе пропал. Но Кириллу он уже не требовался. Все и так складывалось великолепно. Он, как говорится, вошел во вкус!

«Феномен Дебритского», «Бывший московский студент — в списке самых богатых людей планеты», «Секрет успеха Дебритского» — о нем писали газеты, журналы... Корреспонденты любили обращаться в своих статьях к его биографии. Обычный студент экономического факультета одного из московских институтов, защитив диплом, приходит на завод, работает экономистом, ничем особо не выделяясь среди коллег. В самые трудные для завода времена становится главным бухгалтером. А затем — стремительный взлет в карьере! Один из самых молодых директоров страны! Предприятие под его руководством становится ведущим в своей отрасли! Сейчас мало кто вспоминает, что первые два месяца после приобретения именно этого завода новый директор буквально жил в своем кабинете. И не только потому, что хотел лучше и быстрее ознакомиться с производством. А ради безопасности... Все было... Слишком многие его ненавидят до сих пор. Частенько в той же прессе, что так любит превозносить достижения «активного и дальновидного предпринимателя», появляются статьи, характеризующие его как беспринципного дельца, не брезгующего никакими средствами для достижения своих целей, жесткого, скорее, жестокого к конкурентам, безразличного — к соратникам и партнерам. Почему-то запомнился заголовок одной статьи: «Кто Вы такой, господин Дебритский?», а далее мелким шрифтом: «Есть ли сердце у известного миллиардера?». И статья оказалась на редкость глупая... А вот заголовок запомнился... А недавно на телевидении прошел очередной фильм о нем с предельно коротким названи-

ем «Кирилл Дебритский». Объяснять, кто это такой, уже не требовалось. У него все получилось, все сложилось. Кроме личной жизни. «Охотник» он даже близко к себе не подпускал, распознавал под любой «маской», остальные же девушки задерживались возле известного миллиардера не долго. Расставался он с ними всегда спокойно, щедро одарив на прощание. А потом в его жизни появился «музей 70-х»...

Доклад Детектива оказался неожиданно коротким. Разложив на столе какие-то справки, квитанции и фотографии, сыщик начал свой рассказ простыми и убийственными, как армейский штык, словами:

— Интересующая Вас Колосова (в замужестве — Семенова) Анна Сергеевна, 1950 года рождения, умерла в 1997 году, — сделав короткую паузу, он добавил: — После тяжелой и продолжительной болезни. Все копии документов, подтверждающие этот факт, у меня есть.

Молча закурив, Кирилл кивком предложил Детективу последовать его примеру. Его лицо ничего не выражало, кроме, пожалуй, усталости...

— Ну, что же Вы молчите? Продолжайте. Документы я посмотрю потом. А Вы просто... расскажите... Вы упомянули замужество?

— Да. Жизненный путь интересующей Вас особы отнюдь не был устлан лепестками роз. В июне 1975 года молодой человек, за которого она собиралась выйти замуж, погиб. (То, что фотография жениха Анны Сергеевны повергла его в шок, сыщик благоразумно умолчал.) Осенью того же года у нее родилась дочь. Через шесть лет, в 1981-м, Анна вышла замуж за отставного военного, приехавшего в Пустогорск к родственникам.

— Отставного? Она вышла замуж за пенсионера?

— Понимаю, что Вы хотите сказать, но отставки бывают не только по возрасту. Ему — тридцать шесть, ей — тридцать один. Через год у них родился мальчик.

— А дочь? Что с ней?

— Это была прелестная девочка. Лучшая ученица школы, наверное, за все последние годы существования этого учебного заведения. И если красоту она унаследовала от матери, то ум, безусловно, от отца. В городе, конечно, знали, чья она дочь.

— Почему Вы все время говорите в прошедшем времени? — спросил Кирилл тихо. Голос его звучал слишком спокойно в наступившей тишине. Соловьи больше не пели. Детектив даже не заметил, когда хозяин щелкнул пультом.

— После выпускного вечера друзья пригласили девушку встретить рассвет на реке. Один из мальчишек без разрешения взял у родителей машину. Там, сразу за городом, есть очень опасный участок дороги — резкий поворот, а внизу река... Должно быть, гибель дочери, да еще на том самом месте, где сгинул и отец девочки, подорвала здоровье Анны. Через год ей сделали первую операцию, но ничего хорошего не обещали. Она прожила еще несколько лет, последнее время почти не выходила из больницы.

— Она... сильно страдала?

Как же убийственно спокоен Дебритский, но голос, голос... Детективу казалось, что он слышит боль в каждом слове своего клиента.

— Кирилл Валентинович, Вы только представьте: Пустогорск, 90-е... Лекарств не хватало...

— А этот, ее муж... Не мог достать?

— Нет. Они жили бедно. Он приходил к ней в больницу почти каждый день. Медсестра мне рассказывала, что и сейчас не может забыть, как он держал ее за руку. Вот и все обезболивающее. Вас интересует его судьба?

— Нет.

— Ее сына?

— Нет.

Пауза затягивалась, а Детектив ждал. Слишком умен этот Дебритский, чтобы не спросить.

— Вы, конечно, отыскиали «сгинувшего» жениха Анны Сергеевны?

Вот оно! Сыщик мысленно похвалил себя за предубежденность.

— Да. Завьялов Кирилл Валентинович живет в небольшом городке под Красноярском. Работает в школе. Его жена — учительница из той же школы. У них двое детей. Младшая дочь недавно вышла замуж. Обожает внука, сына старшей дочки. Удивительно, но при его, как бы это сказать, некоторой чужаковатости, склонности к фантазиям, ученики его любят. Да и не только ученики. Даже местная шпана никогда не обижает. Живут они на две учительские зарплаты, но всевозможные «секции» и «кружки» он ведет в школе бесплатно.

— Как Вы думаете... он... счастлив?

Детектив задумался. Для клиента этот вопрос определенно что-то значил. Ответить правду? К каким последствиям это приведет? Он ведь уже в середине своего расследования понял, что из молодого Кирилла Дебритского никогда бы не получился нынешний. Ну, а «воскреснувший» Кирилл Завьялов походил на себя самого только внешне. Они словно поменялись местами со сдвижкой на двадцать лет. Вывод напрашивался невероятный. Ох, права была его интуиция: собирать информацию и не вникать! Ни в коем случае не пытаться понять, что же с ними произошло, а то, пожалуй, и рассудок потерять можно.

— Так как же, он доволен жизнью? Каково Ваше мнение?

На него смотрели холодные, безразличные глаза одного из самых успешных людей своего Времени. Своего ли?

— Да. Он счастлив. Я уверен. Конечно, у него есть трудности, проблемы. Та же бедность, просто непролазная... Хотя сейчас гораздо лучше стало, дочери вырос-

ли, обе замужем... Но мерило счастья у каждого свое. Ваш тезка счастлив.

При слове «тезка» Дебритский все же вздрогнул. А потом спросил:

— Скажите, Вас ничего не насторожило в данном деле? Может быть, Вы хотите что-либо выяснить?

Откровенные вопросы. Теперь главное — ответить правильно, тогда, быть может, и обойдется. Детектив вздохнул. Ведь с какими опасными преступниками ему порою приходилось иметь дело, а вот с таким, невозможным, небывалым явлением — никогда. Кто же знает, что это за люди? На что они еще способны?

— Я ведь только собирал информацию. Сожалею, что не все известия были добрыми. Конечно, когда смотрел фотографии, обратил внимание на Ваше сходство с молодым Кириллом Завьяловым. Но такое случается. Люди могут быть очень похожи внешне, даже не являясь родственниками... Двойники... Но в Вашем случае разница в возрасте и образе жизни наложила свой отпечаток. Сейчас сходство почти и не заметно. Кроме того, Вы ведь не просили разбираться в его жизни. А так... Нет, пожалуй, больше ничего примечательного. Может быть, у Вас есть какие-либо замечания или вопросы?

— Замечаний нет. Вы хорошо поработали. Документы, справки, фотографии — все оставьте на столе. Я разберусь... А сейчас... Расскажите мне о Пустогорске, только не как сыщик, а просто... Представьте, что Вы в этот город просто так приехали. Расскажите, как там люди сейчас живут, как фабрика?

— Ну, фабрики-то нет уже давно. Одни руины стоят. Раньше она вроде полгорода кормила. А потом... Директора менялись, чуть ли не раз в год, но каждый только о себе, о своем кармане, и думал. Не повезло фабрике, не нашлось, короче, в буйные 90-е годы для нее настоящего хозяина. А люди? Люди, как и везде, живут по-разному.

Они проговорили еще с полчаса, затем Детектив ушел, а его счет пополнился на заранее оговоренную сумму.

И опять после ухода сыщика Кирилл долго сидел в кресле. Теперь он знал. Зачем понадобилась ему эта определенность... Его жизнь удалась, он добился всего, чего хотел, даже больше. Тогда, в далеком июне 75-го, в Пустогорске и представить было невозможно, каких высот он сможет достигнуть. Почему же он несчастлив? Что за дурацкие мысли приходят ему в голову? Что такое — это самое счастье? А его двойник, кажется, чувствует себя великолепно, хотя живет, по рассказу Детектива, очень даже скромно. Семью любит, детей. Надо же, а ведь у него тоже была дочь... Как же он ничего не понял, разговаривая последний раз с Анечкой? Не о том думал, вот и не заметил ничего, не хотел замечать... А она ведь потому и выглядела... так... Он даже не вслушивался в то, что же кричала тогда его бедная милая Анечка... Если бы он остался с ними, его дочь не погибла бы. Он просто не пустил бы ее с этими юными обормотами, которые и машину-то водить наверняка не умели. Он бы точно не пустил. И Анечка не заболела бы, наверное. Конечно, не заболела бы, потому что была бы счастлива. Недаром говорят, подобные болезни часто возникают из-за стресса. Как много «бы» в его мыслях... Он бы, она бы... Анечка умирала, а он строил свою «империю». Она страдала от невыносимой боли, ее муж, о котором он ничего не захотел знать, держал ее за руку, чтобы хоть как-то облегчить страдания. Лекарств не хватало, а он, Кирилл Дебритский, «делал» деньги... Да, именно тогда он впервые узнал вкус по-настоящему больших денег. И власти. А что же теперь?

Решение он принял мгновенно. Он, который всегда и все рассчитывал, моделировал ситуации со всевозможными исходами, сейчас ничего считать не стал.

И так ясно. Шансов на успех почти нет... То есть совсем нет. Его же предупреждал Константин Михайлович, только в один конец, навсегда... «Хитрый лис», «хулиган во времени» ничего не сообщил ему тогда ни о судьбе его возлюбленной, ни о дочери. Ясно, опасался, что при таком раскладе Кирилл не согласится на «временной эксперимент». Правильно, что опасался... Хотя это сейчас он так думает. А тогда? Неужели бросил бы все и всех ради блестящей карьеры? Трудно сказать. Но сейчас он хотел только одного: вернуться домой, обнять Анечку и... Собственно, больше он ничего и не хотел. Такая малость: желать невозможно... Но ведь сколько раз он брался за дела, провальные на все 100%! И выигрывал, иначе и не состоялся бы знаменитый Кирилл Дебритский. Но теперь ситуация была иной. Законы времени ему неведомы и явно отличаются от законов бизнеса. Он наверняка проиграет... Ну и что же? Он хотел быть с Анечкой, остальное не имело никакого значения. Судьба «империи» его больше не волновала. Правда, оставались сотрудники, многие из которых уже завтра потеряют работу. Странно, но он впервые за долгие годы подумал о людях, служивших ему, не как о штатных единицах, а именно как о людях. Он сел за компьютер, загрузил нужную программу, работал быстро, улыбаясь, представлял, как удивит «служителей империи» столь неожиданная премия. Интересно, что больше поразит их: размер финансовой помощи (так сказать, прощальный привет от Дебритского) или исчезновение шефа? Вспомнит ли его здесь кто-нибудь добрым словом? Впрочем, все это теперь неважно.

Следующий этап — программа уничтожения некоторых файлов. Кирилл выключил компьютер, встал из-за стола и прошел в «собственно гараж», где стояли его действующие машины. Для «возвращения в 75-й» он выбрал «Хаммер». Такой «танк» люблю

ограду моста пробьет. Почему он решил, что перемещаться обратно следует аналогичным образом, то есть прыгнуть на машине в реку, он не знал. А как иначе? Уже сидя в салоне автомобиля, Кирилл достал часы — те самые, что «надлежало уничтожить пренебрежительно», но которые он, конечно же, оставил. Осторожно, все еще надеясь на чудо, он выставил год, месяц, время... В прошлый раз, помнится, после завершения установки времени «X» на циферблате засветились приятные зеленоватые лучики. Сейчас — нет. Часы не подавали никаких признаков жизни. Возможно, они и впрямь рассчитаны только на одно перемещение. Тогда зачем же их следовало уничтожить? Вдруг прямо перед ним появился Константин Михайлович. Откуда? Глупый вопрос... Этот «лис» по коридорам времени и пространства бегаёт, словно обычный человек по дорожкам парка или хорошо знакомым улицам. Куда девалась его спесь, манерность? Константин Михайлович хватался за голову, потом бил себя ладонями по коленкам, что-то кричал...

— Вы сошли с ума! Что Вы затеяли?! Вы разобьётесь, и только!

— А вдруг и нет? — Кирилл усмехнулся. Ведь он не хотел никаких дебатов, но зачем-то ответил.

— У Вас нет ни одного шанса. Сохранили часы, да? Но они же одноразовые! Помните, я ведь предупреждал — билет в один конец! Да и куда Вы собрались? Зачем Вы там? Вы — действительно гений! Просто родились раньше. Вы опередили свое время. Там — Вы и все Ваши идеи никому не нужны, здесь — Вы стали великим Дебретским. Здесь!!!

Кирилл захлопнул дверь машины и завел мотор. Все. Возможно, прав Константин Михайлович: он опередил свое время, но так уж вышло. Такие примеры в истории известны.

Тяжелая черная машина мчалась по предрассветной Москве. Пожалуй, только в этот час, да еще в воскресенье, он мог развить такую скорость в городе, давно и безнадежно задыхающемся от автомобильных пробок. А скорость ему требовалась немалая. Мост он присмотрел еще несколько дней назад. Там как раз начинались ремонтные работы. Кирилл усмехнулся, подумав про себя, что еще до отчета Детектива подумывал о возвращении домой. Да, именно так, домой... К чему теперь лгать, притворяться? И реставрация старого «Москвича», и «музей 70-х» — все это иллюзии возвращения. Он вдруг необыкновенно ясно представил себе, как подойдет к Анечке, возьмет ее за руку и скажет... Нет, он обнимет ее, нежно прикоснется губами к маленькой бархатной мочке ушка и тихо-тихо, ласковым шепотом, чередуя слова с поцелуями, убедит свою милую, любимую Анечку, что никогда не оставит ни ее, ни их будущего ребенка. Нет, все будет не так, все будет совсем не так, еще лучше, еще чудеснее... Все будет замечательно... Будет...

Машина взлетела на мост. Еще несколько мгновений! Кирилл глянул на часы, лежавшие на соседнем сиденье, и обомлел. Поражительно! Или ему это кажется? Циферблат светился легким розовым цветом. Неужели?! В прошлый раз они мерцали зеленым... Неужели работают?! Неважно. Пора! Он резко повернул руль и до отказа выжал педаль акселератора.

А над Москвой поднималось солнце. Его лучи, такие легкие, воздушно-розовые (ах, эти маленькие фонарики небес) колдовали над еще спящими улицами, озаряя своим сиянием все, к чему только ни прикасались. Они преображали город, дарили людям свет и ... надежду...

Москва, июнь-август 2011 г.